

Дрѣвняя Дрѣвосявѣдѣ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1	25 декабря/ 7 января — Рождество Христово	1
2	Летопись единоверческой жизни	6
3	История Единоверия. Главы из книги Н.П. Зиминной «Путь на Голгофу»	15
4	Литературная страница. Рассказ священника. <i>Б. Терниковский</i>	23
5	Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в январе 2006 года	24

25 ДЕКАБРЯ / 7 ЯНВАРЯ — РОЖЕСТВО ХРИСТОВО

СВТ. ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ. СЛОВО НА РОЖЕСТВО ХРИСТОВО

ДАВАЙТЕ почтим молчанием первое, особенное, Рождество Христово, свойственное Его Божеству. Более того, давайте положим себе за правило вообще не исследовать и не любопытствовать об этом с помощью наших понятий. Ибо что может вообразить себе ум там, где не были посредниками ни время, ни век, где образ не представим, где не было никакого зрителя и где нет никого, кто мог бы рассказать? Или как язык поможет разумению? Но был Отец, и Сын родился. Не спрашивай: когда? но просто оставь в стороне сам вопрос. Не исследуй, как? Ибо сам ответ невозможен. Ведь вопрос «когда» относится ко времени, а вопрос «как» неизбежно ведет к тому, чтобы представлять себе рождение телесным образом. Я могу представить доказательства из Священного Писания, что Сын рождается как Си-

Рождества Христова. Мозаика. Византия. XI век

яние от Славы (Евр 13) или как Образ от Первообраза. Но поскольку такой ответ не позволяет тебе любопытствовать своими помыслами, я обращаю твое внимание на неизреченность этого представления и признаю, что образ Божественного Рождения непостижим для мысли и невыразим в человеческих словах. Не говори: «Если Он родился, то до этого Его не было» и не присоединяй к коварным словам невежественные рассуждения, искажая истину примерами, относящимися к здешнему миру, и оскверняя богословие. Я сказал: «Он родился» для того, чтобы показать Его Начало и Виновника, а не чтобы обличить Единородного в том, что Он позднее, чем время. И пусть не оступается твой ум, ложно предполагая, что древнее Сына века, которые не существовали и которых не было. Ибо как творения могут быть древнее Сотворившего их? Однако я

относящимися к здешнему миру, и оскверняя богословие. Я сказал: «Он родился» для того, чтобы показать Его Начало и Виновника, а не чтобы обличить Единородного в том, что Он позднее, чем время. И пусть не оступается твой ум, ложно предполагая, что древнее Сына века, которые не существовали и которых не было. Ибо как творения могут быть древнее Сотворившего их? Однако я

не заметили, как, следуя логике рассуждения, произвольно отвлёкся на то, чего хотел избежать. Итак, оставим рассуждения об этом вечном и неизречённом Рождении, осознавая, что и ум ниже тех предметов, и слово недостаточно этих мыслей.

Итак, нам предстоит выяснить, какую часть истины можно отразить в этом рассуждении, даже если ум не в состоянии приблизиться к природе непостижимого, и слову затруднительно выразить природу, которая соответствовала бы тому, что хоть как-то доступно для мысли. Бог на земле, Бог среди людей, беседуя с ними уже не «из огня» (Исх 32), не «во глазе трубном» (Исх. 19:6), не на «дымящейся горе» (Исх 19:8), не «во мраке» (Исх. 20:21), не в «буре» (Евр. 12:18), приводящей в трепет души внимающих законодателей, но посредством тела кротко и ласково, как с родными. Бог явился во плоти, действуя уже не на расстоянии, как это было с пророками, но сделав человеческую природу сросшейся и соединённой с Самим Собой и, таким образом, возведя к Себе все человечество через посредство сродственной нам Своей плоти. Но могут сказать, как это через одного Источник света пришел ко всем? Или каким образом Божество явилось во плоти? А вот так, как и огонь в железе: не переменяя место, но уделяя свою силу. В самом деле, огонь не переходит туда, где находится железо, оставаясь на своем прежнем месте, но уделяет ему свою собственную силу, так что и сам не уменьшается от этой передачи и всецело наполняет собой то, что становится ему причастным. Вот таким образом и Бог Слово одновременно и не удалился от Самого Себя «и обитал с нами» (Ин 1:15), не претерпел никакого изменения, «и Слово стало плотью» (Ин 1:15). И небо не опустело от Содержащего его, и земля восприняла в свое лоно Небесного. Не примысливай какого-то ниспадения Божества, ибо Ему не свойственно переходить с места на место, подобно телам. И не воображай себе, что Божество изменилось и превратилось в плоть, ибо то, что бессмертно, неизменно. Но могут спросить, почему же Бог Слово не преисполнился телесной немощью? На это мы ответим так же, как и огонь не воспринимает свойств железа. Железо черное и холодное, тем не менее, когда его накалывают, оно принимает форму огня, само становясь светносным, но не делая огонь черным, становясь пылающим, но не охлаждая пламени. Так же и человеческая плоть Господа сама стала причастной Божеству, но не сообщила Божеству своей немощи. С другой стороны, не следует считать, что Божество действует совершенно так же, как и этот чувственный огонь. Но ты воображаешь себе страдание у Бесстрастного, которое происходит от человечес-

кой немощи, и недоумеваешь, каким это образом тленная природа остается нетронутой из-за приобщения к Богу? Узнай же Таинство. Бог явился во плоти для того, чтобы умертвить гнездившуюся в ней смерть. Ибо как спасительное лекарство, усвоенное телом, побеждает губительные яды или как царящая в помещении тьма рассеивается при внесении света, так же и господствовавшая над человеческой природой смерть уничтожилась присутствием Божества. И как лед в воде, все время, пока ночь и тень, подчиняет себе водное естество, когда же пригреет солнце, он тает от его лучей, так же и смерть царствовала до пришествия Христова. Когда же воссияла «благодать Божия и спасительная» (Тит. 2:1), и возшло «Солнце правды» (Мал. 4:22), тогда «поглочена была смерть победою» (1 Кор. 15:54), не выдержав приближения Истинной Жизни. О, глубина благодати и человеколюбия Божия! Но вместо этого превосходящего человеколюбия мы противимся быть Его рабами. Люди исследуют причину, почему Бог явился среди людей, хотя им следует прежде всего поклониться благодати Творца.

Что же нам с тобой делать, человек? Ты не искал Бога, пока Он пребывал в вышине. Но даже когда Он сходит к тебе и беседует с тобой посредством плоти, ты все равно Его не принимаешь. Рассмотрим же хотя бы причину того, как ты стал родственником Богу. Знай, что Бог явился во плоти потому, что следовало этой проклятой плоти освятиться, немоществующей обрести силу, отчужденной от Бога сродниться с Ним, изгнанной из Рая взойти на Небо. И что за орудие этого Домостроительства? Тело святой Девы (Лк 1:27). А что за причина Рождения? Дух Святой и осеняющая Сила Всевышнего (Лк 1:35). Но лучше послушай сами Евангельские слова: «По обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого» (Мф 1:20). Итак, была избрана одновременно и Дева, и обрученная мужу, способная послужить этому Домостроительству, чтобы и девство было почтено, и брак не остался в пренебрежении. В самом деле, девство было избрано как достойное освящения, а посредством обручения были восприняты и начатки брака. И то и другое вместе для того, чтобы Иосиф был собственным свидетелем чистоты Марии и чтобы, имея обручника в качестве стража жизни, она не была выдана клеветникам как осквернившая девство. Я могу высказать и другую мысль, ничуть не хуже, чем предыдущие: именно тогда настало время, подходящее для Вочеловечения Господа, которое было предопределено и предустановлено издавна, еще до создания мира, и в которое надлежало, чтобы Дух

Святой и Сила Всевышнего образовала эту богоносную плоть. Но поскольку родословная Марии не соответствовала ее личной чистоте, чтобы сделать ее достойной воспринять действие Святого Духа, то вместо нее через обручение была заимствована родословная Иосифа. Поэтому, когда была избрана блаженная Дева, обручение несколько не повредило Ее девству. Кроме того, кто-то из ранних отцов высказал и другую мысль, что обручение с Иосифом было устроено для того, чтобы скрыть девство Марии от князя века сего. В самом деле, Лукавий в своей гордыне обратил внимание только на внешнюю форму обручения Марии; ведь он давно следил за девами, поскольку знал слова пророка: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына» (Ис 7:14). Таким образом, посредством обручения был обманут зложелатель девства. Ибо он знал, что явление Господа во плоти будет концом его собственной власти.

«Прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого» (Мф 1:28). Иосиф обнаружил сразу и то, и другое: и беременность, и ее причину, ибо сказано: «От Духа Святого». Поэтому он, испугавшись называться мужем такой жены, «захотел тайно отпустить Ее» (Мф 1:19), не дерзнув предать огласке Ее положение. Поскольку же он был праведным, то сподобился того, чтобы ему было открыто это Таинство. Ибо когда он помыслил это, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: «Не бойся принять Марию, жену твою» (Мф 1:20). Этим он как бы говорит: «И не помышляй о том, чтобы скрыть грех неуместными подозрениями. Ведь ты назван праведным, а праведному мужу не подобает молчанием покрывать беззаконие». «Не бойся принять Марию, жену твою», — говорит ангел. Это показывает, что Иосиф отнюдь не пришел в негодование или исполнился презрением, но он испугался Ее потому, что она была исполнена Духа Святого. «Ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого» (Мф 1:20). Из этого ясно следует, что тело Господа произошло не по общему естественному закону плоти. В самом деле, Носимый во чреве мгновенно достиг совершенного состояния плоти, не проходя постепенного развития во времени. Об этом говорят сами евангельские слова, ибо сказано не «зачатое», но «родившееся». Итак, эта плоть, будучи образована от Святости, была достойна того, чтобы соединиться с Божеством Единородного. «Родит же Сына, и наречешь имя Ему: Иисус» (Мф 1:21).

Мы знаем, что имена, намеренно даваемые кому-нибудь, выражают лежащую в их основе природу, как, например, Авраам, Исаак, Израиль. Имя каждого из них скорее

выражает достигнутую ими личную добродетель, чем телесные особенности. Это же относится и к имени «Иисус», то есть «Спаситель народа». И вот уже приоткрывается тайна, predeterminedенная прежде веков и проповеданная издавна пророками: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: «С нами Бог» (Мф 1:23). Здесь открывается смысл этого древнего имени, все Таинство явления Бога среди людей, ибо, как сказано, имя Еммануил означает «С нами Бог». И пусть никого не приводят в смущение коварные ухищрения иудеев, которые утверждают, что у пророка Исаии сказано не «дева», а «молодица»: «Се, молодича во чреве примет». Прежде всего, было бы крайне неразумно полагать, что то, что должно было стать знамением, данным от Господа, представляет собой обыденное явление, согласующееся с природой вещей. Ибо что говорит пророк? «И продолжал Господь говорить к Ахазу и сказал: проси себе знамения у Господа, Бога твоего; проси или в глубине, или на высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа» (Ис. 7:10-12). И немного далее: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: Се, Дева во чреве примет» (Ис. 7:14). Для того Ахаз не стал просить знамения или в глубине, или на высоте, чтобы ты узнал, что «нисшедший в преисподние места земли, Он же есть и восшедший превыше всех небес» (Еф. 4:9-10), Сам Господь дал знамение. Знамение же было удивительное и страшное, намного превосходившее естественный порядок вещей: Одна и Та же — Жена, Дева и Матерь, сохранившая святость девства и сподобившаяся благословения чадородия. Если же некоторые переводчики еврейское слово вместо «дева» перевели как «молодица», то от этого смысл данного выражения ничуть не страдает. В самом деле, мы часто встречаем в Священном Писании обыкновение употреблять вместо слова «дева» слово «молодица», например во Второзаконии: «Если кто-нибудь встретится с девицею не обрученною, и схватив ее, ляжет с нею, и застанут их, то лежавший с нею должен дать отцу молодичи пятьдесят дидрахм» (Втор. 22:28-29).

«И встав, Иосиф принял жену свою» (Мф. 1:24). Он взял к себе жену с расположением, любовью и всяческой усердной заботой о супружестве, но воздерживался от выполнения своих супружеских обязанностей. Ибо сказано: «И не знал Ее до тех пор, пока Она не родила Сына Своего первенца» (Мф. 1:25). Эти слова могут дать повод считать, что после того, как Мария Своей чистотой послужила рождению Господа, совершившемуся благодаря Святому Духу, Она не отказалась от выполнения

обычных супружеских обязанностей. Хотя от такого понимания и не может оскверниться данное благочестивое рассуждение, ибо девство было необходимо только для того, чтобы послужить целям Домостроительства, а то, что было впоследствии, уже не столь важно для смысла Таинства, но мы все-таки не будем оскорблять слух христоролюбивых слушателей заявлениями, что Богородица когда-то перестала быть Девой, и будем считать, что достаточно следующих свидетельств. Относительно слов: «И не знал Ее до тех пор, пока Она не родила Сына Своего», следует сказать, что выражение «до тех пор» часто может обозначать некоторый ограниченный период времени, но на самом деле указывает на бесконечность. Это, например, имел в виду Господь, когда сказал: «И вот, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). В самом деле, ведь Господь вовсе не собирался разлучаться со святыми после этого века, но возведение настоящего указывает на непрерывность, а не на прекращение в будущем. И мы говорим, что точно таким же образом следует понимать выражение «до тех пор» и в данном месте. Относительно же выражения «первенец» следует сказать, что оно не всегда стоит в связи с последующим потомством, но первенцем называется тот, кто первый разверзает ложесна. Кроме того, то, что Мария до конца оставалась Девой, ясно из рассказа о Захарии. До нас дошло предание о том, что Захария был убит иудеями между Храмом и жертвенником за то, что он поместил Марию в число дев уже после того, как Она родила Господа, и был обвинен толпой за то, что таким образом указал на это чудесное и достохвальное знамение: Дева рождает и девство не повреждается. «Когда же Иисус родился в Вифлееме иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с Востока и говорят: Где родившийся Царь Иудейский?» (Мф. 2:1-2). Маги — это персидский народ, искусный в предсказаниях, заклинаниях и неких природных противоядиях. Кроме того, они занимались наблюдениями за небесными явлениями. Подобными предсказаниями занимался, возможно, и Валаам, посланный Валаком для того, чтобы с помощью какого-то чародейства проклясть Израиль. В своей четвертой притче он говорит о Господе: «Человек видящий, слышащий слова Божии, имеющий ведение Всевышнего, который видит видение от Бога во сне; открыты очи его. Укажу Его, но еще не сейчас, ублажу Его, но Он еще не близко. Восходит звезда от Иакова, и восстает Человек от Израйля»

(Числ. 24:15-17). Поэтому волхвы, вспомнив древнее пророчество, стали искать место в Иудее и пришли разузнать, где родившийся Царь Иудейский. Возможно также, что бла-

годаря явлению Господа сопротивные силы были, наконец, ослаблены, и волхвы, почувствовав, что их сила уразднена, пришли засвидетельствовать великую Силу Родившегося. Поэтому они нашли Младенца и принесли Ему дары. Маги, этот отдаленный от Бога и чуждый Заветам народ, первыми удостоились прийти поклониться, потому что свидетельства, данные врагами, более достойны доверия. Ибо если бы первыми поклонились иудеи, то считалось бы, что они почтили Господа по причине родства с Ним. Ныне же те, кто не имели на то никаких оснований, поклоняются Ему как Богу, чтобы осудить соплеменников, распявших Того, Кому поклонились иноплеменники. Поскольку же они занимались наблюдением за движениями небесных тел, они не напрасно созерцали это удивительное небесное явление — новую и необычную звезду, восшедшую во время рождения Господа.

И пусть никто не связывает восход этой звезды с астрологической псевдонаукой. Ибо те, кто связывает рождение человека с изначально существующими звездами, полагают, что определенное расположение звезд является причиной всех жизненных обстоятельств для каждого человека. По этой причине ни одна из уже существовавших звезд не могла обозначить это царственное Рождество. Это была необычная звезда. В самом деле, те звезды, которые были сотворены изначально, или совершенно неподвижны, или непрестанно движутся. А эта явившаяся звезда, кажется, обладала одновременно этими обоими особенностями: она и двигалась, и останавливалась. И из числа уже существовавших звезд те, которые закреплены на одном месте, никогда не движутся, а планеты никогда не прекращают своего движения. Поскольку же эта звезда имела оба свойства: и движение, и покой, ясно, что она не относится к этим двум разновидностям звезд. В самом деле, она двигалась с востока до Вифлеема и «остановилась над тем местом, где был Младенец» (Мф. 2:9). Поэтому и волхвы, следуя за звездой, двинулись с востока и, придя в Иерусалим, встревожили своим появлением весь город, так что на иудейского царя напал страх. Когда же они нашли Того, Кого искали, они почтили Его дарами — золотом, ладаном и смирной (Мф. 2:11). Возможно, и в этом они последовали пророчеству Валаама, который сказал о Христе: «Преклонился, лежит как лев и как льенок, кто поднимет его? Благословляющие Тебя благословенны, и проклинающие Тебя прокляты» (Числ. 24:9). Ибо слово «лев» указывает на царское достоинство, слово «преклонение» — на страдание, а «сила благословения» — на Божество. Поэтому волхвы, следуя пророчеству, принесли Христу как царю золото, как

смертному человеку — смирену, а как Богу — ладан. Но нельзя согласиться с теми, кто с излишним любопытством исследует обстоятельства Рождества и утверждает, что эта звезда была подобна кометам, которые, как принято считать, появляются на небе как раз для того, чтобы указывать на смену царей. Ведь они по большей части неподвижны, представляя собой воспламенение, заключенное в каком-то определенном месте. Ибо кометы бывают различного вида: в виде бревна или в виде ямы, и имеют соответствующие им названия. Происхождение же их всех таково. Когда избыток воздуха, находящегося около земли, скапливается и перетекает в эфирную область, его плотные и мутные слои, испаряясь отсюда, становятся как бы материей для огня и принимают явный облик звезды. Но та звезда, которая появилась на востоке и побудила волхвов отправиться на поиски Родившегося, вскоре исчезла из виду и второй раз появилась уже в Иудее, когда волхвы пребывали в недоумении. Из этого можно сделать вывод, что она слушалась чьих-то приказаний, служила кому-то и появилась ради кого-то. В самом деле, она «пришла и остановилась над тем местом, где был Младенец» (Мф. 29). Поэтому и волхвы, «увидев ее, возрадовались радостью весьма великою» (Мф. 210). Воспримем же и мы в сердца наши эту великую радость. Именно эту радость благовествуют Ангелы пастырям (см. Лк. 210). Итак, приидите, поклонимся вместе с волхвами, воздадим славу вместе с пастырями и будем ликовать вместе с Ангелами. «Ибо ныне родился вам Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 21). «Бог Господь и явился нам» (Пс. 122:27) не в «Образе Божиим», чтобы не привести в трепет немощное человеческое естество, но в «образе раба» (Филип. 2:6-7), чтобы освободить это поработанное естество. Кто же так медлителен душой, кто так неблагодарен, чтобы не возрадоваться, не возликовать и не возвеселиться из-за этих событий? Это — общий праздник всей твари, который дарует миру то, что превосходит мир, посылает Архангелов к Захарии и Марии, являет Ангельские лики, восклицающие: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение» (Лк. 214). Звезды сходят с небес, волхвы выходят из языческих народов, земля приемлет в пещере. И пусть никто не устраняется от этого, пусть не будет неблагодарных. Выразим же и мы наше ликование в словах; назовем наш праздник Богоявлением. Будем праздновать спасение мира и день рождения человечества. Ныне отменено осуждение Адама. Уже не имеет силы Божественный приговор: «прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3:19), но человек через

соединение с Небесным (1 Кор. 15:48) вознесен на Небо. Не имеет силы и другой Божественный приговор: «в болезни будешь рожать детей» (Быт. 3:16), ибо блаженно чрево, носившее Еммануила, и сосцы, питавшие Его (Лк. 127). «Ибо Младенец родился нам, Сын дан нам; владычество Его на раменах Его» (Ис. 9:6). Сердце мое расцветает, мысли мои быют ключом, но неискусен язык, и не хватает слов для того, чтобы выразить столь великую радость. Итак, представляй себе вочеловечение Господа подобающим Богу образом. Считай Божество чистым и не оскверненным, даже если Бог соединился с материальной природой. Страстное естество исправляется, но Божество остается безстрастным. Разве ты не видишь, что столь славное Солнце является в грязи, но остается незапятнанным, светит оскверненным, но не испытывает зловония. Напротив того, с кем Он достаточно время пребывает во общении, тех избавляет от гниения. Почему ты боишься признать, что бесстрастное и чистое Естество не воспринимает от нас никакой скверны? Он для того родился, чтобы очистить тебя через сродственное с тобой естество. Он для того возрастает, чтобы сделать тебя родным через тесное общение. О, глубина благости и человеколюбия Божия! Вместо этой превосходящей щедрости мы не верим Благотелю; вместо великого человеколюбия Владыки мы противимся быть Его рабами. О, это неуместное и лукавое безрассудство! Волхвы поклоняются, а христиане исследуют причину, почему Бог явился во плоти? В какой плоти? была ли человеческая природа воспринята во всей полноте, или частично? Да умолкнут в Церкви Божией все излишние вопросы. Давайте будем славить то, во что уже уверовали. Не будем проявлять излишнее любопытство к тому, о чем следует молчать. Итак, присоединись к тем, кто с радостью ожидает Господа с небес. Представь себе мудрых пастырей, пророчествующих священников, радующихся женщин, когда Гавриил научил Марию радоваться (Лк. 128), когда младенец Иоанн выиграл во чреве Елизаветы (Лк. 144). Анна пророчица благовествовала (Лк. 238), Симеон Богоприимец взял на руки (Лк. 228) — все они в малом Младенце поклонялись Великому Богу, не обращая внимания на видимое, но славословя величие Его Божества. Ибо Божественная Сила, как свет сквозь прозрачную среду, воссияла через человеческое тело, просвещая тех, у кого чисты очи сердца, в числе которых хорошо бы оказаться и нам, открытым лицом отражая Славу Господню, чтобы и нам преобразоваться из славы в славу (2 Кор. 3:18) благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ДЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Колокольня единоверческого храма Архангела Михаила была сооружена усердием бронницкого купца, церковного старосты Василия Ильича Кузнецова в 1836 году по благословению митрополита Московского Филарета (Дроздова). В архивных документах этого времени сообщается, что в сумме строительство колокольни обошлось единоверческому обществу в 15 000 рублей, из них около 10 000 рублей внес Василий Ильич.

8 января 1837 года священнослужители храма и его прихожане обращаются к митрополиту Филарету с просьбой о награждении Василия Ильича золотой медалью среди прочего и *за то, что в течение прошлого 1836-го года трех месяцев — августа, сентября и октября, — сверх чаяния нашего, при означенной нашей церкви сооружена им Кузнецовым и совершенно приведена по его старанию, важнейшей архитектуры, великолепнейшая колокольня.*

По данному прошению митрополит Филарет и тогдашний обер-прокурор Святейшего Синода граф Протасов исходатайствовали у Государя Императора Николая Павловича золотую медаль на Аннинской ленте для Василия Ильича.

Почти 170 лет отделяют нас от тех достопамятных событий, но работы, ведущиеся по реставрации некогда *великолепнейшей колокольни*, заставляют нас вновь оглядываться в прошлое и находить параллели с тем, что происходит сегодня.

Вид колокольни храма Архангела Михаила в начале XX века

А в XIX столетии после сооружения 3¼-метровой колокольни, на ней были установлены в два яруса мощные колокола. Самый большой из них весил 7 872 килограмма, второй по величине — 4 432 килограмма, третий — 1968 килограмм, четвертый — 198 килограмм, вес остальных пяти колоколов по 80 килограмм каждый.

Звон колокольни радовал слух богомольцев почти столетие, но на Рождество Христово 1929 года безбожные власти запретили колокольный звон, а 28 января 1930 года колокола и вовсе были сброшены. В дневнике священнослужителя нашего храма протоиерея отца Стефана Смирнова читаем под этой датой следующую запись:

Сняли колокола с колокольни. Привыкли видеть, что колокола неотъемлемая часть церкви-храма. Мне думается, что любовь к колоколам питает русский народ, сам того не сознавая, от русской истории всего периода. Много ли теряет Православная церковь от снятия колоколов? Как церковь, как общество верующих немного; ведь русский народ чуть ли не заменил православно-христианское учение колокольным звоном. Но храм и Русское Православие как национальное русское зодчество и даже музыка в уничтожении колоколов теряют порядочно. (Сто-

рож церкви Иван Иванович Рошин, бывший сторожем 48 лет в день снятия колоколов, помер — не перенес).

И чуть позже запись от 18 февраля того же года:

Чистый Понедельник. Великостного звона нигде в округе не слышно. Для православных это тяжело.

Немного спустя:

На Благовещение 1930 года 12-пудовый колокол повесили, но после того мощного звона какой был у нас очень жалкий звон остался... Народ очень жалеет звон церковный.

А еще через тридцать с небольшим лет храм и вовсе закрыли, так что и тот жалкий звон был прочно забыт на следующее тридцатилетие.

Но Бог милостив, и после открытия храма в 1989 году и выполнения многих других работ по его благоустройству в минувшем 2004 году дошла очередь и до реставрации колокольни. Основательный подход, тщательный контроль за выполнением производимых работ не позволяют работать так скоро, как работали наши предки 170 лет назад, — не те ныне исполнители, не те ныне и средства. Однако в нынешнем году, когда за проведение реставрации колокольни взялся однофамилец ее строителя — Алексей Григорьевич Кузнецов, был выполнен очень значительный объем работы, и мы вправе надеяться, что уже в будущем году восстановление будет полностью завершено.

В нынешнем же году на колокольню были установлены куранты, как это было и прежде в дореволюционные годы, а теперь пришел черед и колоколов.

В настоящее время у нас есть

малая звонница, вес самого большого колокола — около 20 килограмм. На собрании приходского совета единоверческого общества, проходившем в январе нынешнего года, звонарь Олег Александрович Гусев высказал желание устроить звонницу, которая бы соответствовала первой, разрушенной в 1930 году.

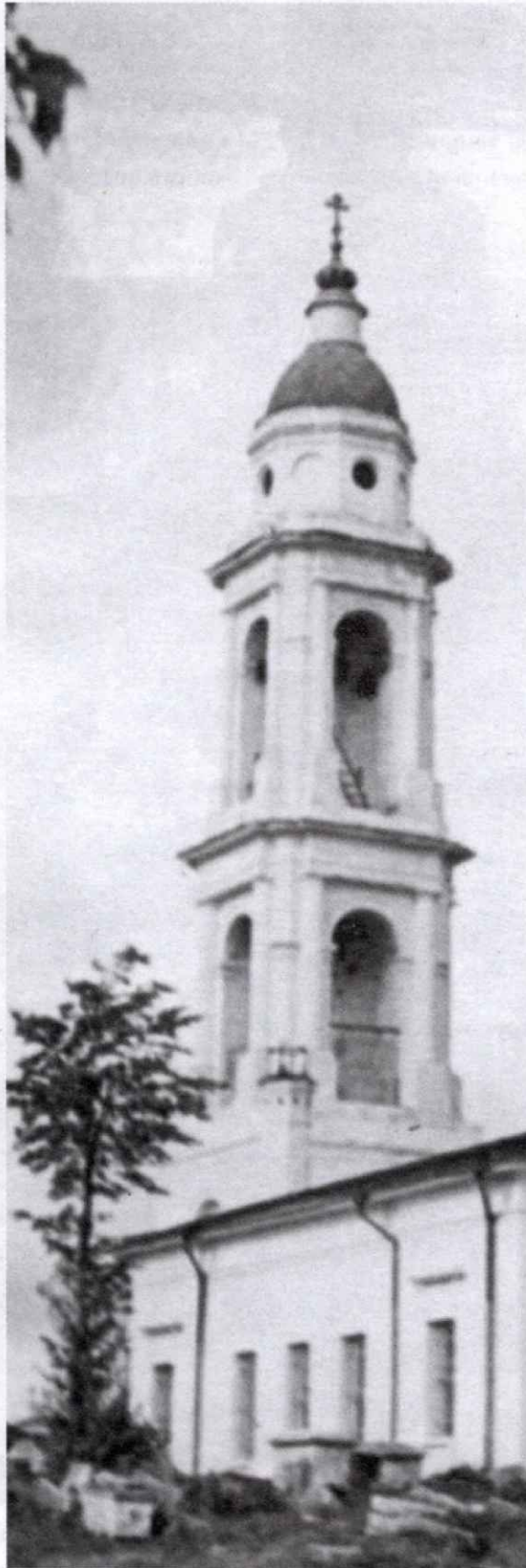
На это предложение с готовностью помочь откликнулись попечители, члены единоверческого общества храма Архангела Михаила Андрей Леонидович Ростовский и Владимир Владимирович Яшин.

В поиске изготовителя колоколов обратились к услугам Архангельского международного центра колокольного искусства (директор — Сальников Григорий Михайлович), который выполнил обследование состояния нашей колокольни, подбор колоколов нужного звукоряда, отливку их на одном из лучших предприятий в данной области компании «Италмас» града Романова-Борисоглебска (Тутаева).

«Италмас» льет колокола по старинным технологиям и добивается наилучшего качества звучания путем отбраковки изделий даже с незначительными дефектами и новой отливки до достижения требуемого результата.

Совместно с сотрудниками Международного центра колокольного искусства для звонницы храма Архангела был подобран набор из 14 колоколов (3 200, 1 600, 820, 430, 220, по, 62, 52, 40, 32, 24, 16, 14 и 8 килограмм) общим весом 6 634 килограмма.

Для наружного украшения колоколов, кроме древних орнаментов, членами единоверческого общества были предложены следующие надписания: на трех самых боль-

Вид колокольни храма Архангела Михаила в 50–60-е года XX века

ших колоколах тропари святым Небесным Безплотным Силам, святителю Христову Николе и великомученику Георгию, в честь которых сооружены приделы нашего храма:

Небесных воинств архистратизи молим вас ныне мы недостойнии, яко да вашими молитвами покрыете нас кровом крилу невестественная ваша славы, сохраняюще нас молящихся прилежно и вопиющих, от бед избавите нас, яко чиновначальницы вышним силам;

Правилю вере, и образ кротости, воздержанию учителя, яви тя Господь стаду Своему яже вещем истина, сего ради стяжав смирением высокая, нищетою богатая, отче наш святителю Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим;

Подвигом добрым подвизався, страстотерпче Христов Георгие, веры ради мучителем обличил еси нечестие, жертва же благоприятна Богови принесена, отнюдуже и венуе прият победы, и молитвами твоими свя-

те всем даеши грехов прощение.

Разгрузка колоколов.

На фотографии сверху: звонарь А.Н. Ануфриев
внизу: церковный староста В.Н. Бульчев, чтец Никола Махамет
и военнослужащий в/ч 557-22

Также на больших колоколах имеются надписания о самых значительных событиях в истории нашего храма следующего содержания:

Лета 7195 зачата бысть святая церковь строить при державе Великих Государей царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича вся Великия и Малыя и Белья России Самодержцев. По благословению Великаго Господина Святейшаго Иоакима Патриарха Московскаго и вся России. Тщанием и радением всечестных Игуменни Пелагеи Константины;

Бронницкой Округи в Церкви Архистратига Михаила, что в Михайловской Слободе, всякую Божественную службу благословляем отправлять по старопечатным книгам, также и требы в домах, уповая, что через сие отделяющиеся от единения Церкви Христовой соединятся с оною и будут общники вечери Господней во спасение свое и в живот вечный. О чем не престанем возсылать

няя молитвы наши к верховному Пастыреначальнику, Господу нашему И. Христу, приводящему во двор свой ины овцы, яже не суть от двора Его. По сему Консистория имеет сделать надлежащее распоряжение. Смиренный Августин, архиепископ Дмитровский.

Лета 7426 июля в 20 день в праздник святого славного пророка Божия Илии в единоверческой церкви Архангела Михаила совершил служение святыи священномученик первыи единоверческии епископ Симон Охтенский.

она Московской области при Патриархе Московском и всея Руси Алексии II, Митрополите Крутицком и Коломенском Иувеналии, настоятеле священнойгумене Иринархе тцанием и усердием рабов Божиих Андрея Ростовскаго и Владимира Яшина.

По поясам двух других больших колоколов размещены надписи назидательного характера, подчеркивающие верность прихожан Михайло-Архангельского храма святоотеческому Преданию и древним уставам:

Колокола весом 3 200, 1 600, 820, 430 и 220 кг

Лета 7497 церковь месяца ноября в 8 день единоверческая церковь Архангела Михаила бысть возвращена верующим. Сего дня совершена первая Божественная Литургия на праздник Архистратига Божия Михаила и всех Небесных Сил Бесплотных.

На поясе в нижней части наибольшего колокола содержится также надпись, указывающая на время их изготовления: *Лить сей кампан (колокол) лета 7513 месяца июля для единоверческой церкви Архангела Михаила села Михайловская Слобода Раменского рай-*

Темже убо братие, стойте и держите предание имже научистеся, или словом, или посланием нашим (Сол. 2:15).

Древнему церковному преданию ничто же вящше прекословие рцем, но по долгу повинимся церковному обычаю и благоговейно умолкнем.

Отлитые колокола были привезены в Михайловскую Слободу 6 декабря и теперь на очереди их монтаж, запланированный на январь. А мы все с нетерпением будем ждать того мощного звона, который радовал слух наших предшественников.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«100-ЛЕТИЕ ИЗДАНИЯ ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕДИНОВЕРИЯ И СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

Доклад И.Л. Бражникова, главного редактора интернет-портала «Правая.Ру»
Современное положение Единверия

НАДО полагать, что история нашего Раскола имеет не только глубокий внутренний смысл, но и какое-то особенное значение в мировой истории, скрытое как от участников драмы XVII в., так и от нас, до сих пор. Если полнота истины заключена в Православии — а мы веруем так, — то не может спор об истине двух правых вер не касаться всех людей, жаждущих спасения. Тут не может быть двух. Должно быть единверие. И невозможно согласиться ни с одной из версий Раскола — ни с «официальной», ни со старообрядческой.

Невозможно выбрать. Пока живо русское сердце, оно не останется безучастным ни к мытарствам и воплям Аввакума, ни к подвигу Павла Коломенского, ни к ревности и мужеству защитников Соловецких. Но и к мессианскому проекту патриарха Никона — Теократии, ополчившейся против Царства антихриста и противостоящей ему всей крепостью, всей мощью Вселенского Православия, — не останется безучастно русское сердце, пока оно живо.

Так вот и суждено ему, сердцу, раскалываться, разрываться между двумя равно притягивающими идеалами: между чистотой своей веры и вселенскостью Православия, между жаждой личного спасения и страстным желанием спасти мир от антихриста.

Ясно одно: враг должен быть уничтожен любой ценой. Только в данном случае, какова цена, не совсем ясно. То ли надо спасаться в лесах, то ли, напротив, выходить из леса в чистое поле, на поединок. Отсюда две различные поведенческие стратегии. Два типа исповедничества: одно

— только перед «своими», тайное от всего мира, предавшегося антихристу, другое — явное перед всем миром, — быть может, то самое, о котором сказано Спасителем: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Матф: 24, 14).

Кто же будет проповедовать Евангелие в конце времен, если не православные?

В своей истории Россия несколько раз готовилась предстать пред всем миром и, возможно, исполнить свою великую миссию. Первый раз в середине XVII века. Реформа Русской Церкви не случайно совпадает с важнейшими событиями внешней политики. 1654 г. — воссоединение с Малой Россией. Важнейшая историческая

И.Л. Бражников
 Фото Л.Л. Чагиной

победа, преодоление искусственного разделения нации. В 1666—1667 гг. Андрусовское перемирие узаконивает первую экспансию России на Запад. Совершается первый дипломатический маневр: Потёмкин едет в Европу уговаривать королей на войну с турками.

На Оке строится корабль «Орёл». Всё это свидетельствует о начале Российской Империи.

И вместе с тем начинаются годы великого перелома, трещины на теле Руси. Рождение уже содержит в себе смерть: в те же самые годы Никон лишён сана, Аввакум предан анафеме, а Собор анафематствован как Никоном, так и Аввакумом. Самодержавие возвышено и над Православием, и над Народностью. Рождается антигосударственная идеология старообрядцев.

Это годы разложения идеи Святой Руси, трансформация идеи святого Царства: 1) в идею святого народа, отдельного и противостоящего государству (Семён Денисов); 2) в идею Церкви, строго отделённой от государства, стремящейся к надгосударственному объединению всего Православия (Никон). Потом развернётся в полную силу ещё и 3) идея великого государства, поглотившего народ и Церковь (Афанасий Ордин-Нащокин, затем Пётр I и Феофан Прокопович).

Эти годы — потеря авторитета Соборов. Когда Собор решает одно, а через год — так же единогласно прямо противоположное — в пору усомниться в существовании соборной истины. Человеческое своеволие и своеумие пересиливает принцип соборности. Соборность же — основа Православия. Староверы, будучи правы по существу, превозносились мученичеством и правотой и не замечали, как уже стояли на своём, а не на соборном, также разрушали главный православный принцип. Из священнослужителей (проповедников) они постепенно превращались в революционеров, противящихся уже всякой власти, кроме того, что считали они Христовым. Им не хватало смирения. Они уже жаждали публичности, жаждали публицистики. Они видели свою роль в качестве ревнителей и исполняли ее. Наставлять, проповедовать, призывать, стыдить — это было им не менее дорого, чем исполнять истину.

Власти же, особенно в Соловецких событиях и при Федоре Алексеевиче, выглядят и вовсе сомнительно и малопривлекательно. Государство борется с собственным народом — притом с лучшей его частью. В итоге — потеряна уверенность в себе, в истинности выбранного пути: Русь с надеждой взирает на Запад. Вместо всемирной проповеди Православия — Россия впервые испытывает на себе всю прелесть западного влияния.

Кто недостаточно укоренен в своем, в том, как «у нас это делается», может лег-

ко спутать своё и чужое и провалиться в иной контекст. Потерять идентичность. Петр стал первой жертвой, первым горьким плодом Раскола. Его пьянство в Немецкой слободе свидетельствует, что он чувствовал бытовую неукорененность, что целостность и жесткая правильность русского быта была утрачена. В юном Петре мы видим первого царя-пьяницу. Это поствозрожденческое, нововременное пьянство, сохранившее ещё следы былой обрядности, но по сути выродившееся в личный грех и хуже того — кощунство. То, что происходило в Немецкой слободе, по всем признакам было искушением. Суть любого искушения — приблизить чужое к своему, в пределе — полностью заменить своё чужим. В слободе Петр познал все запретные наслаждения и был соблазнен. Там получил он свою «программу», которой был верен уже до конца. Петр, несомненно, не находил себе в Москве места, чувствовал себя изгнанником из рая (Кремля) и после ненавидел его, подобно падшему ангелу или нарушившему заповедь Адаму.

Петр прорубил окно в Европу, из которого, как в гоголевском Вие, хлынули в Россию полчища бесов.

Однако не все так однозначно. Вместе с иноверцами, полностью чуждыми Святой Руси, пришли и те, кому суждено было проникнуться ее идеей. Те, кто поверил и осознал, что неправославные в конце концов окажутся не одесную, а ошуюю Отца. Вспоминается в этой связи ответ одного старого новгородского монаха немецкому путешественнику Адаму Олеарию. Увидев в далеком 1634 году икону, изображавшую иноземцев, свергаемых бесами в ад, он задал вопрос: «Неужели все, кроме русских, погибнут?» И получил ответ: они могут спастись, если обретут русскую душу... И русская история XVIII—XIX вв. дает сотни примеров тех, кто, по слову Господа: Ищите, и обрящете (Мф: 7, 7) — искал и обрел.

Следующий момент, когда Россия как бы готовилась к исполнению миссии, — конец XVIII — начало XIX столетия. И вот тут прослеживается уже очевидная связь этой миссии с единоверием. Государь, блистательно начавший русскую экспансию в Европу, взявший под защиту Мальту с ее рыцарским орденом; Император, в распоряжении которого были фельдмаршал Суворов и адмирал Ушаков, недавно прославленный в чине праведных, — является в то же время и учредителем единоверия! Как отмечает современный исследователь: «Нетрудно увидеть, что, проживи Император Павел еще хотя бы лет десять, Россия,

быть может, если не во всем, то в главном вернулась бы на пути Святой Руси, сохранив, разумеется, политические и военные приобретения, сделанные предыдущими императорами. Известно, что Павел I намеревался восстановить Патриаршество...» И что же? Столь обнадеживающий Государь убит своими же подданными в самом начале царствования. Вместо русской экспансии в Россию из Европы проникают разлагающие идеи Просвещения, возникают тайные общества, и все заканчивается печальными событиями 14 декабря 1825 года.

После того, как при консервативном правлении другого достойнейшего царя из рода Романовых, Александра III, Россия снова начинает возвращаться к себе, что проявляется даже в архитектуре, уже не вызывает удивления знаменитый указ сына Александра III (100-летие которого и стало поводом к настоящим празднествам и конференции): «Да благословит и умудрит их (старообрядцев. — И.Б.) Господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям Русской Православной Церкви воссоединить их с нею и прекратить Соборным решением тяжёлую историческую церковную рознь, устранить которую может только Церковь». Но вновь исполнению исторической миссии мешает теперь уже мировая война, революция, крах Империи и — как завершение — мученический венец Государя, искренне желавшего прекратить Раскол и почти преуспевшего в этом. В третий раз несостоявшаяся русская экспансия оборачивается усвоением новейшего западного идеала — марксизма.

А ведь непосредственно перед революцией наблюдалось стремительное развитие единоверия, что подтверждается первым единоверческим съездом — важным и представительным. Главным двигателем сближения, надеждой православных старообрядцев был тогда архиепископ, впоследствии митрополит Антоний (Храповицкий). «Пусть в единой Церкви Христовой любители старых чинов и старых книг составят единое Братство православных старообрядцев, — говорил он в своем выступлении на Съезде. — Все тогда слилось бы в одном общем прославлении Господа по старой Иосифовой книге, и собранные от конца земли русские старообрядцы воздвигли бы в сердце России новый Успенский собор, во всем подобный древнему, но вдвое выше его и обширнее...»

В числе интересных мероприятий по укреплению единоверия, предпринима-

тых при участии владыки Антония, необходимо отметить учреждение реального училища при Никольской единоверческой церкви в Петербурге. Закладка училища состоялась 30 июля 1911 года. Важно отметить, что закладка нового здания происходила в честь св. страстотерца царевича Алексея, в день его семилетия. Тем самым будущие судьбы единоверия незримо увязывались с Царственными Мучениками. «Единоверцы и мы, присутствующие на торжестве закладки здания первого в России среднего учебного заведения, содержащегося на средства Церкви и Братства, уповаем, что училище в новом помещении явится прочным залогом одушевляющих всех нас верноподданных к Тебе чувств», — отмечалось в петиции Государю, составленной архиепископом Антонием. Существенно отметить, что поддержка единоверия соединялась у владыки Антония с миссионерскими задачами, которые он, один из немногих архипастырей того времени, ставил перед Русской Церковью. Он, держатель нового обряда, впервые поставил вопрос о том, что единоверие должно быть нормой для Русской Церкви с точки зрения обряда, пения, церковного уклада, Богослужения в целом. Он показывал, что есть опасность, что Запад будет использовать антигосударственные тенденции у старообрядцев против России в качестве альтернативы Православию. Это делает сегодня наследие митрополита Антония особенно актуальным.

Наконец, последний выход России на мировую арену в 40-е годы XX века не увенчался проповедью Православия по причине одержимости страны лукавым духом марксизма. Тем не менее важно подчеркнуть, что от России—СССР ждали именно всемирной проповеди. И она проводилась — только предмет веры оказался подмененным. Результат обыкновенен: проникновение очередной западной квазирелигии — рыночного либерализма. Будем уповать, что это в последний раз, и истощенная земля Запада больше не породит разрушительных идеологических химер.

Итак, русский Раскол, несомненно, имеет не только внутреннюю значимость. Раскол Святой Руси, разделение Церкви, которую не одолеют врата ада, совершающийся не по злой воле участников. Можно найти и увидеть в этой истории коварных греков, лукавых патриархов восточных, излишнюю крутость патриарха русского, чрезмерную горячность и гордыню его противников; наконец, Царя, оказавшегося не на высоте положения, — но прямой злой воли русских

людей в истории Раскола нет. И, кажется, нет такой провинности, за которую можно было бы так покарать. Если западные европейцы заслужили свою Реформацию, то Русь, осмелюсь сказать, Раскола не заслуживала. Сдается мне, в этом был Промысел Божий.

В чем же смысл?

Раскол происходил в преддверии и после страшного 1666 года, перед лицом как бы свершавшегося конца. Все участники драмы и были, каждый на свой лад, устремлены к концу. В свете конца, думается, и будет окончательно понят смысл совершившегося. Конец раскроет всемирное значение этого кажущегося глубоко внутренним нашим, события. Есть предельный апокалиптический смысл русского Раскола.

Перед лицом антихриста Христианская Церковь, вероятно, объединится. Но не так, как ее желают объединить теплохладные экуменисты, не так, как мечталось в конце позапрошлого века Вл. Соловьеву. Католики и протестанты просто перейдут в Православие.

В настоящий момент, по свидетельству священников, служащих на Западе, европейцы проявляют повышенный интерес к Православию. На фоне самого серьезного за всю историю кризиса католицизма, когда кафедральные соборы Испании и Франции остаются почти без прихода, католические храмы зачастую сдаются в аренду, в них проходят православные Богослужения; по инициативе православного священства извлекаются из складских помещений мощи великих святых (таких, как, например, царица Елена), где они находятся едва ли не со времен Французской революции. Клир западноевропейских епархий больше чем наполовину уже состоит из аборигенов — французские, английские, бельгийские священники уже далеко не редкость.

Не исключено, что в ситуации окончательного духовного тупика, который уже не только *de facto*, но и *de jure* утверждается в Европе, принимающей в эти дни антихристианскую конституцию, вскоре консервативно настроенные католики и протестанты встанут в очередь за миром и крещенской водой и начнут переходить в Православие приходами и общинами, как становились в очередь на святое крещение и целыми подразделениями принимали чин оглашенных

римские солдаты времен императора Константина или как теперь стоят православные в долгой очереди к блаженной матушке Матроне. Духовный голод не тет-

ка. В царстве Закона вечно жить не будешь. Требуется Благодать. А потому встанут. Перед лицом ли мусульманской угрозы, с утратой ли технического превосходства, западные народы однажды убедятся в том, что вера их не спасает. Что их вера давно уже стала неким вирусом, которым было заражено общество и с которым на протяжении несколько столетий оно вполне успешно боролось. Сегодня этот вирус уже локализован, эпидемии исключены, историю болезни под названием «христианский фанатизм» можно прочесть только в старых энциклопедиях. Между тем вера на Западе давно не испытывалась. Час испытания близится. Собственно уже настал: религиозная экспансия с Юга и с Востока — уже реальность. По тому, как вела себя Европа с Наполеоном и Гитлером, предвидится, как она будет вести себя и с антихристом. Наша вера выдержала многие испытания. Господь, зная натуру человеческую, не давал все это время (в том числе и через Раскол, а в особенности через 70 лет советского вавилонского пленения) русской вере остыть.

Именно единоверие представляет собой исконный русский сплав консерватизма и миссионерства. Будучи по сути консервативным, хранящим в неприкосновенности традицию Православия, оно обладает значительным миссионерским потенциалом, так как обращаясь из католиков и протестантов, несомненно, интереснее будет аутентичная русская Традиция, нежели более выхолощенное, со значительным западным влиянием, реформированное Православие. Но может быть и так, что католикам окажется понятнее и ближе новый обряд, а протестанты найдут то, что ищут, в старообрядчестве. Ибо это и есть вера апостольская, которую они, в противовес папе и католицизму, искали у себя, но не могли найти. В этом смысле характерен пример «епископа Аугсбургского, всея Германии и Балтийских стран Амвросия» (в миру Михаэля Герцога), который родился в Австрии. В младенчестве был крещен в Римско-Католической Церкви. В 1975 году перешел в протестантизм и через два года переехал в Германию, где стал руководителем одной из протестантских общин. С середины 1980-х годов начал проявлять интерес к Православию, а в 1993 году был принят в Греческую Православную старостильную Церковь, где вскоре был посвящен в сан священника, а в 2000 году стал епископом с именем Антоний. В 2002 году через исповедь и крещение епископ Антоний был принят в РПСЦ как мирянин, за-

тем пострижен в монашество с именем Амвросий, посвящен в сан священника и епископа. В связи с переходом епископа в старообрядчество от него ушла часть его немецкой паствы. В одном из интервью епископ Амвросий сказал следующее: «Священное Писание, которое является фундаментом протестантизма, — важная, но не единственная основа нашей веры. Христианину также необходимо иметь руководство к пониманию Библии, что невозможно без древней церковной традиции, опирающейся на Священное Предание. Если мы соглашаемся с тем, что Писание и Предание составляют основу Церкви, то нужно задаться вопросом, кто и по каким причинам Предание изменил, а кто сохранил его в неизменности. Я пришел к выводу, что в самой чистой и ясной форме оно сохранено в Русской Православной Старообрядческой Церкви».

Сохранность Традиции, Предания, формы сегодня оказывается одним из решающих аргументов. Форма сейчас решает практически все, потому что язык формы сегодня понятен. Существует колоссальная потребность формы, тоска по форме в условиях либерально-постмодерного всесмешения. Некоторая размытость, присущая современному возрождающемуся Православию, плохо воспринимается обществом. Православное старообрядчество в этом смысле имеет очень мощный ресурс — эстетику. Опять-таки вспомним, что говорит Предание о Крещении Руси: «Мы не знали, где мы на земле или на небе», — сообщают русские послы князю Владимиру. То есть момент эстетической завороченности истинным инобытием оказался определяющим для выбора веры русской душой. Сегодня похожая ситуация, поскольку в наследие от СССР и за годы РФ мы получили неоязыческое общество. Ныне, похоже, ситуация даже сложнее, чем в X веке. И у православных старообрядцев очень мощный ресурс, за который непременно развернется (и уже развернулась) нешуточная борьба. Взять хотя бы тот факт, что самый антицерковный, антипатриархийный ресурс Кредо.Ру активнейшим образом пытается противопоставить старый обряд новому как истинное — неистинному, фактически раздувая и накаляя докрасна уже почерневшие, как древние образа, угли Раскола. Близки к этому и либеральные НГ-Религии. Любова-ние старообрядчеством без понимания того, что там есть соблазн, есть романтизм, своеобразная мифология сегодня, — крайне опасно.

Единоверие оказывается, с одной стороны, уникальным, промыслительно

хранимым до времени средством против секуляризации, сокращения служб и всяческого обновленчества, с другой же стороны содержит в себе крайне привлекательную для современного (в особенности — молодого) человека эстетику и форму. «Необходимо не предлагаемое новообновленцами ее еще большее упрощение, примитивизация (новорусский язык, протестантский тип проповеди и т.п.), — отмечает Владимир Игоревич Карпец. — Но, напротив, усложнение и утончение. Так и только так, а не ханжескими призывами на уровне классных дам, можно преодолеть весь уклад и стиль, а точнее, безукладность и бесстилье современной жизни». В этой своей работе Владимир Карпец цитирует слова Константина Леонтьева о том, что только поэзия религии преодолит «поэзию изящной безнравственности». Сегодня безнравственность уже даже не изящна, хотя и изощрена и почти всеобща, и мысль Леонтьева абсолютно верна. Как и вообще существенно понимание им формы, которая «не дает материи расползаться». Форма «стесняет», но это стеснение спасительно, в то время как вне формы — смешение, упрощение, гибель. Так, нет государства без принудительных форм власти, армии, полиции, вообще неравенства и социальных перегородок, создающих сложность государственных форм; нет Православия вне совершенно определенных форм церковности, нет произведения искусства (это наиболее очевидно) без подчинения материала форме, наконец, нет в нравственном смысле и человека, если он не будет «стесняться» — во всех смыслах этого слова: внешне человек должен быть «отечески и совестливо» стеснен государственной властью, внутренне — религией и собственной совестью. Второе — важнее, поэтому «религия — краугольный камень охранения»: «Когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься...» Почти совпадая на словах с известным персонажем Достоевского, Леонтьев говорил Л. Тихомирову: «Но если Бога нет, почему же мне стесняться?»

Чинность богослужений, культура одежды священнослужителей и мирян, знаменный распев, строгая каноничность иконописи, и, верим, будущая могучая храмовая архитектура в русских традициях — вот те аргументы Православия, которые сегодня могут оказаться решающими как в деле сдерживания наступления антихристианского мира, так и в деле обращения иноверцев, фактором русской экспансии. Спор двух правых вер должен, с Божией помощью, завершиться победой Единоверия.

Исторна Единверна

Н. ЗИМИНА. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПУТЬ НА ГОЛГОФУ».

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА СИМОНА ЕПИСКОПА ОХТЕНСКОГО

(Продолжение)

В 1799 году часть московских старообрядцев обратилась к Московскому митрополиту Платону (Левшину) с прошением, в 16-ти пунктах которого изложила условия своего присоединения к Церкви. Ответ митрополита — упомянутые 16 пунктов единоверцев с примечаниями к ним самого митрополита — известен под заглавием «Пункты, или Правила единоверия».

Важнейшими из принятых пунктов являются следующие. 1-й — разрешение клятв на двоеперстное сложение и другие подобные обряды; но митрополит Платон добавляет, что разрешение дается для каждого обращающегося особо (таким образом, клятвы Собора 1667 года разрешены в целом не были). 2-й — поставление новых священников и диаконов по избранию прихожан и дозволение совершать службу прежним, уклонившимся в старообрядчество; но митрополит Платон отвергает «прежних попов, яко беглецов и предателей Церкви». 3-й — дозволение править службы по старым книгам. 5-й — старообрядческих священников не требовать к соборным молениям в Греко-Российскую Церковь; не заставлять старообрядцев допускать в их храмы знаменующихся тремя перстами; старообрядцам, хотя и не записным, но издавна уклонившимся от Греко-Российской Церкви, не возбранять присоединяться к старой вере; но митрополит Платон отклоняет совсем последние два требования: «А чтобы не возбранять присоединяться к Церкви, ими просимой, и другим незаписным, но издавна удалившимся от сообщества Греко-Российской Церкви, сие не иначе дозволено быть может, как по исследовании от епископа, что он никогда дотеле в Церковь православную не ходил и таинств ея не принимал, и то нашедши его таковым, при принятии к Церкви, прочесть над ним вышеписанную разрешительную молитву. А в Церкви нашей православной доселе бывших ни-

как до такового присоединения не допускать». 9-й — епископ должен благословлять старообрядческих священников, слагая два перста; митрополит Платон предоставил выполнение этого требования «благоразумию и совести каждого епископа, однако предохраняя других от соблазна». 11-й — не возбранять православному приобщаться Святых Тайн у старообрядческого священника и равно же наоборот; но митрополит Платон делает характерное примечание: «По сей статье сын православной Греко-Российской Церкви не иначе может иметь дозволение, разве то в крайней нужде, в смертном случае, где б не случилось найти православного священника и церкви, а старообрядцу дозволить то без всякаго затруднения»; таким образом, фактически разрешено было лишь одностороннее евхаристическое общение. 16-й — «Распри, раздоры и хулы ни с единыя стороны да не слышатся за содержание разных обрядов и разных книг». В прошении московских старообрядцев не было пункта об особом епископе для единоверцев, возможно, по обстоятельствам времени — за несколько месяцев до того этот вопрос был оставлен без внимания Императором Павлом I.

В этих правилах сквозит явное взаимное недоверие. Допуская единоверие, господствующая Церковь выражает надежду, что «единоверцы Богом просветятся и ни в чем в неразныствующее с Церковью придут согласие», иными словами, единоверие видится как некое переходное состояние и лишь временная мера. «Пункты» утверждают заведомое неравноправие: переход возможен только в одну сторону, из старообрядчества в единоверие и далее, из единоверия в православие, переход из православия в единоверие не допускается ни при каких обстоятельствах; более того, православным возбраняется принимать таинства у единоверческих священников, кроме самого крайнего случая. Со своей стороны, и единоверцы,

призывая православных к миру и любви, запирают перед ними двери своих храмов и не пускают своих священников на православные службы.

День утверждения Императором Павлом I «Правил» митрополита Платона, 27 октября 1800 года, считается днем рождения единоверия в России. Очевидно, что возвращение старообрядцев в лоно Православной Церкви мыслилось не как воссоединение с равноправными братьями во Христе, которые следуют благодатному старому обряду, принятому с древности на Святой Руси, а как с немощными, заблуждающимися членами Церкви, которых Церковь-Мать принимает, надеясь со временем вылечить их духовные язвы. По своей сути учреждение единоверия являлось лишь тактическим ходом со стороны государственной и церковной власти, так как соборные клятвы на старый обряд и на придерживающихся его сняты не были. Поэтому на деле единоверие с самого начала попало в ложное, двойственное положение. Это понимали единоверцы; среди них распространены были представления о неканоничности единоверия, о его противоречии соборным клятвам, о неискренности церковной власти в деле единения старообрядцев с Церковью на условиях единоверия. Это прекрасно поняли и старообрядцы, отнесшиеся к единоверию с большими сомнениями и недоверием и не принявшие его в своем большинстве. Присоединение к Церкви на пунктах митрополита Платона они считали отступничеством от тех убеждений и воззрений, за которые гибли их отцы и деды на кострах и плахах, выносили пытки, ссылки и всякого рода мучения.

Переходу старообрядцев в единоверие препятствовала и сама непоследовательная политика правительства в отношении единоверия. За первые пятьдесят лет XIX столетия состоялось только одно постановление Святейшего Синода, которым немного расширились правила 1800 года — это постановление от 8 августа 1832 года, позволявшее переход в единоверие и тех из старообрядцев, которые уклонились в раскол из православия, но при условии, что они пробыли в расколе длительное время (не менее 10 лет). Каждое царствование вносило свои штрихи во взаимоотношения со старообрядцами и единоверием.

* * *

Царствование Александра I (1801—1825) отличалось широкой веротерпимостью. В отношении к раскольникам это

выразилось в даровании им 26 марта 1822 года Высочайше утвержденных правил, коими старообрядцам было дозволено открыто иметь беглых священников там, где есть молебни или церкви. Это нанесло удар по единоверию: за все царствование Императора Александра I было основано только десять единоверческих церквей, из которых семь приходились на первые пять лет царствования, три на последующие двадцать лет, а после указа 1822 года не было построено ни одного единоверческого храма. Более того, ввиду малого успеха единоверия министр духовных дел того времени князь А.Н. Голицын предлагал старообрядцам большее снисхождение — старообрядческое духовное правление, независимое от епархиального начальства, но находящееся в непосредственном ведении Святейшего Синода таким же образом, как ставропигиальные монастыри и московский Успенский собор. Александр I развивал эти предложения своего министра еще дальше — до обещания дать старообрядцам самостоятельного епископа. Однако старообрядцы затягивали переговоры и дождались сурового царствования Николая I.

* * *

При Николае I (1825—1855) в них видели не только церковных раздорников, но и элемент противогосударственный, противообщественный, «тайных мятежников вообще». Правительство Николая I руководствовалось следующими правилами с целью направить заблуждающихся в Церковь: а) не придавать никакого значения всему, что касается религиозной стороны раскола; б) по возможности устранить все то, что способствовало бы организации старообрядческих общин в религиозном отношении; в) пресечь распространение раскола. Указ 1822 года «о беглых попах» отменили, а побег священника из господствующей Церкви к старообрядцам признали тяжким преступлением. Против старообрядцев приняли ряд крайне суровых мер, в результате которых православие приобрело в эти годы не менее 200 тысяч единоверцев. Но достигая количественно значительных размеров, — в 1851 году имея уже 179 церквей, — единоверие стояло не очень высоко в качественном отношении. Насильственное обращение старообрядцев нередко усиливало единоверческие общества членами, прямо враждебными единоверию. Со стороны же правительства существовало все то же старое платоновское воззрение на единоверие как на пере-

ходное состояние на пути к подлинному православию. В результате единоверие, призванное даровать мир всему старообрядчеству, возжечь всестарообрядческую иерархию, объединить с ее помощью отдельные согласия среди старообрядцев, как о том радел инок Никодим, было необыкновенно далеко от своих заветных целей.

* * *

В царствование царя освободителя Александра II (1855–1881) единоверцы осмеливаются заговорить об изменении духа правил 1800-го года. В это время они вновь поднимают вопрос о единоверческом епископе. В 1864 году радикальными деятелями из единоверия был составлен проект, требовавший уничтожения самого имени единоверия, снятия клятв Собора 1667 года со всех старообрядцев, объединения единоверцев и старообрядцев во всестарообрядческую Церковь с полной, самостоятельной и даже независимой от Святейшего Синода старообрядческой иерархией. Во главе этой группы единоверцев стояли московский купец И.И. Шестов, казанский — А. Петров, екатеринбургский — Г. Казанцев и петербургский единоверческий священник Иоанн Верховский (которому принадлежало литературное оформление проекта). Проект был изложен, с одной стороны, во Всеподданнейшей записке от имени единоверцев Москвы и других городов, представленной в 1864 году на предварительный просмотр министру внутренних дел графу Валуеву, а с другой — в прошениях московских и екатеринбургских единоверцев на Высочайшее имя. Главная мысль записки о Иоанна Верховского — противопоставление единоверия Греко-Российской Церкви, которая, по мнению автора, не сохранила истины во всей ее неприкосновенности, а потому тесное сближение с ней нежелательно.хлопоты единоверцев, понятно, остались без успеха. Впоследствии екатеринбургские единоверцы подавали другое прошение на Высочайшее имя о даровании епископов лишь одним единоверцам (без старообрядцев), но получили отказ со строгим воспрещением и на будущее время подавать подобные прошения.

Движение в пользу единоверцев и дарования им особого епископа началось среди православной иерархии только под влиянием опасности, которая стала угрожать Церкви со стороны приобретающей все большую популярность среди старообрядцев-по-

повцев Австрийской, или Белокриницкой иерархии (старообрядческой иерархии, основанной в 1840-е годы в местечке под названием Белая Криница, в Австрии). Симпатии, которыми она пользовалась среди единоверцев, встревожили знаменитейшего иерарха XIX столетия митрополита Московского Филарета (Дроздова). Стараясь найти путь к выходу из затруднения, дабы, с одной стороны, «оказать споспешествование снисхождению Правительства к раскольникам, без нарушения церковных правил и без опасения расстройства иерархии», а с другой — «для отражения начинавшегося влияния заграничной иерархии», митрополит Филарет предложил Святейшему Синоду план дать единоверцам особого архиерея: учредить в Московской епархии второго викария с наименованием епископа Богородского (имея в виду, что уездный город Богородск имеет одну единоверческую церковь и наибольшее из всех уездов Московской епархии число раскольников); поручить ему единоверческие церкви Московской епархии, а по усмотрению надобности и по удобству — и некоторых ближайших епархий; подчинить ему Богородское духовное правление, чтобы оно заменяло ему консисторию для единоверческих дел; местом пребывания единоверческого епископа определить при существующей в Москве церкви единоверческого Рогожского кладбища, где устроить архиерейский дом и вместе единоверческий монастырь.

Мысли митрополита Филарета о возможности дать единоверцам епископа, зависящего от епархиального архиерея, одобрял и первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Григорий (Постников), хотя он не разделял блестящих ожиданий московского Владыки от исполнения его проекта. Однако в условиях, когда старообрядцы имели самостоятельных (хотя и незаконных) архиереев, единоверцев не устраивали архиереи викарные. После возбуждения ими в 1864 году ходатайства о самостоятельном епископе Святейший Синод запросил мнение по этому вопросу многих русских архиереев.

Десять из двадцати двух опрошенных Владык высказались за дарование единоверцам особой иерархии. Так, Киевский митрополит Арсений (Москвин) был согласен «дать им особого, впрочем в зависимости от Святейшего Синода, епископа одного или даже несколько из единоверческого духовенства, по их собственному выбору, коль скоро из-

бренные ими лица, по надлежащем испытании, окажутся сего сана достойными». Того же мнения придерживался знаменитый церковный историк Харьковский Преосвященный Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский: «Эти архиереи, — писал он, — без всякого сомнения, должны быть поставляемы от Святейшего Синода и находиться в постоянном ему подчинении, подобно тому, как ныне единоверческие священники поставляются от православных епископов и находятся в подчинении им... Если для воссоединившихся старообрядцев даны будут отдельные архиереи, в таком случае для показания совершеннейшего единения их с православною Церковью полезно было бы, чтобы тот или другой из них, по очереди, постоянно присутствовал в Святейшем Синоде, принимал участие в решении всех синодских дел, а также в рукоположении архиереев, православных и единоверческих и вообще был там как бы представителем воссоединившихся старообрядцев и защитником их интересов». Владыка Макарий потребовал срочно созвать православный Собор для торжественной отмены клятв 1667 года. В пользу дарования единоверцам епископа писал и Полоцкий архиепископ Василий (Лужинский), который предлагал «дать единоверцам особого епископа по их соборному избранию из православных архиереев, чтобы этот епископ со всею единоверческою паствою был в полной зависимости и власти Святейшего Синода». Особенно благожелательными были мнения замечательного миссионера, просветителя Сибири и Америки архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова), Орловского епископа Поликарпа (Радкевича), который внес даже предложение основать особую семинарию для обучения священников из числа единоверцев и Рижского архиепископа Платона (Городецкого), написавшего по этому делу в Святейший Синод следующее: «Что может служить препятствием к этому, не то ли, что тогда образуется в России особая единоверческая церковь? А разве такая церковь уже не существует в лице единоверцев и их священнослужителей? Но теперь, скажут, она находится под главным управлением православных архиереев и чрез них имеет тесный союз с православною Церковью, а когда будет иметь своих архипастырей, то более отделится от нея... Но какой выйдет вред, если она будет иметь своих архипастырей? Разве все православные

церкви находятся и должны быть под одним видимым управлением, как латинские? От сего, скажут иные, выйдет вред; именно, что многие православные любящие старину перейдут во вновь образованную церковь. Это может случиться, если правительство дозволит. А если бы кто из православных и перешел в сию церковь, то что за беда? Ведь эта церковь будет тоже православная, совершенно подобная той, в какой спасались наши предки».

Однако эти и некоторые другие архипастыри оказались в меньшинстве, остальные архиереи считали единоверие возможным лишь только при его подчинении местному православному епископу, поэтому Святейший Синод отложил решение вопроса. Митрополит Филарет впоследствии также отказался от своего проекта.

В царствование Александра III (1821—1894) единоверие по-прежнему было мало распространено. Чтобы поставить его на должную высоту, единоверцы вновь стараются разрешить все еще открытые вопросы о клятвах, о порицаниях на старый обряд, о свободном переходе в единоверие из православия, о единоверческом епископе, об отмене примечаний митрополита Платона к 5-му и 11-му пунктам правил единоверия. Им удалось добиться частичного исправления правил, которое носило характер лишь некоторой уступки. Согласно определению Св. Синода от 8 мая — 17 июня 1881 года, дети, рожденные в смешанных браках, могли теперь быть крещены или в единоверческой церкви, или в православной, по соглашению родителей; в дополнение к 5-му пункту правил к единоверию разрешено было присоединять всех тех, кто всего только 5 лет (!) уклонялся от участия в таинствах православной церкви; в дополнение 11-го пункта правил православным дозволено было обращаться к единоверческим священникам для исповеди и Святого Причащения не только в смертных, но также и в особо уважительных случаях. В 1886 году Святейший Синод издал в ответ на прошение московских единоверцев «Изъяснение о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды», в котором, основываясь на подлинном тексте соборного постановления, разъясняет, что содержащиеся в нем клятвы положены не на старые обряды и не на тех, кто их употребляет в единении с Церковью и с ее благословения, а на раздорников и непокорников, из-за

обряда отделившихся от Церкви и хуливших ее. Однако это разъяснение единоверцев не успокоило.

Тогда же Святейший Синод издал «Постановления» казанского собрания архипастырей Поволжья, состоявшегося в 1885 году. На этом собрании подчеркивалось особенное миссионерское значение единоверия. Более того, впервые было торжественно провозглашено тождество единоверия с православием в догматах и таинствах: «Ввиду усматриваемого нередко разномыслия в воззрениях на Единоверие необходимо разъяснить духовенству, что Единоверие не представляет собою какого-либо особого, отличающегося от Православия, исповедания; Православие и Единоверие составляют одну Церковь... В храмах православных и единоверческих призывается один Господь, исповедуется единая вера, совершается единое крещение, приносится единая умиловительная бескровная жертва Христова, приемлется единое Пречистое Тело и Кровь животворящая; словом, и там и здесь одно и то же и одинаково все то, что живое и питает человека». Однако это заявление ничего не говорит ни о старом богослужбном чине, ни об уставе. Высшая власть, издавая «Постановления», не имела в виду равночестность и равноправие единоверия, а лишь только его миссионерское значение. Святейший Синод по-прежнему отдавал исключительное предпочтение исправленному обряду.

Прежнее понимание единоверия как временного явления в жизни русской Церкви особенно сказалось в вопросе о епископе, который рассматривался в 1892 году на 2-м Миссионерском съезде. Под влиянием указаний свыше на просьбу единоверцев о епископе от 1890 года собравшиеся отцы-миссионеры постановили: «считать этот вопрос за оскорбление и взять с единоверцев подписку не возбуждать его впредь».

* * *

Таким образом, Святейший Синод и большинство православных по-прежнему рассматривали единоверие как переходную ступень к Православию и считали, что оно, как несовершенно, со временем должно исчезнуть, слившись с Православием, а потому единоверцы — это временный чужеродный (!) элемент в рядах Церкви, который необходимо терпеть только как неизбежное зло, единоверцы хоть и члены Церкви, но не равноправные с православными, единоверческие священники хоть и свя-

щенники, но не равноправные православным и тому подобное. Православным практически невозможно было перейти из нового обряда в старый. Единоверцам было категорически отказано в посвящении особых единоверческих епископов, и они должны были находиться в ведении местных архиереев, которым в большинстве случаев были в тягость, а в результате не имели общего духовного руководства. «Синодальное управление, построенное на формальных основах, смотрело на единоверие не с отечески-попечительной точки зрения, а лишь как на известную сторону, которая постоянно от него чего-то домогалась, а церковная власть, в ответы на эти домогательства, постоянно их ограничивала, относилась к ним подозрительно и не удовлетворяла их заветного желания иметь общего духовного отца епископа», — писал о положении дел один из православных иерархов. Словом, на единоверцев смотрели как на полураскольников, допуская это движение лишь с миссионерскими целями для привлечения в господствующую Церковь раскольников с тем, чтобы через некоторое время они приняли новые обряды и забыли о своем старообрядчестве.

Такие взгляды были распространены в нашей Церкви до начала XX века, а по сути и значительно дольше, вплоть до Поместного Собора 1917—1918 годов. Приведем лишь один из тысяч подобных, пример, свидетельствующий о яркой, доходящей до глубокой ненависти (!), вражде к единоверию со стороны «православия», о котором сообщил старообрядческий журнал «Церковь» в 1912 году (оскорбительный стиль заметки прекрасно показывает степень остроты той полемики, какая шла между православными и старообрядцами на протяжении всего времени после реформы патриарха Никона; кроме того, он свидетельствует о той атмосфере удивительной нетерпимости и кощунственной резкости, какая царила в предреволюционную пору даже в духовной печати):

«В 1898 или 99 году в Уфе состоялся общепархиальный съезд. Между прочим, он занимался и «единоверческим» вопросом. Губерния сильно старообрядствует, даже коренное «православное» население склонно к старине и, где возможно, охотно посещает единоверческие храмы. Приходских «православных» отцов это обстоятельство сильно бьет по карману. И они предложили своему епархиальному начальству при-

нять против единоверцев крутые меры, а именно: «Единоверческие священники никогда и ни в каких случаях не должны напутствовать «православных», — даже в смертном случае и при полной невозможности достать «православного» священника (значит, умирай без покаяния, как собака, но не смей обращаться к единоверческому священнику). «Православным» самым решительным образом должен быть запрещен доступ в единоверческие храмы. В единоверческих церковно-приходских училищах учителями должны быть исключительно «православные», но никак не единоверцы. Преподавание Закона Божия и заведование этими школами должно быть возложено на соседних «православных» священников. Детей единоверческого духовенства не должно допускать в епархиальные духовно-учебные заведения».

* * *

Однако уже в царствование Александра III начинает формироваться новая точка зрения на единоверие, появляются деятели, которые смогли возвыситься до полного беспристрастия в своих рассуждениях об обрядовых различиях между православными и единоверцами, высказывая взгляды, существенно расходящиеся с общепринятыми воззрениями.

К таковым деятелям, в первую очередь, относился профессор гражданской истории Московской духовной академии Николай Федорович Каптерев, который в работах 1880—1990-х годов, несмотря на свое внешне отрицательное отношение к противникам реформы патриарха Никона, указал на ужасные последствия для Церкви и России в целом необдуманных действий Никона. Каптерев был первым историком, который взял под сомнение теорию «испорченности» или неправильности старорусского обряда и показал, что этот обряд не только не был испорчен, но, наоборот, сохранил черты древневизантийских обрядов, в том числе и дво-

еперстие, которые уже позже, в XII—XIII веках, были изменены самими греками, что и вызвало расхождение между старорусскими и новогреческими обрядами.

Следующим необходимо назвать имя историка литературы Александра Корниловича Бороздина, который в 1898 году в своей книге «Протопоп Аввакум» развил выводы Н.Ф. Каптерева. Через несколько лет,

в 1905 году (забежим несколько вперед), авторитетный историк Русской Церкви Евгений Евстигнеевич Голубинский еще раз подтвердил, что патриарх Никон, а вслед за ним восточные патриархи и Собор 1667 года просто не разобрались, что расхождения между русскими и новогреческими уставами середины XVII века произошли не из-за ошибок русских, а благодаря изменениям устава самими греками, которые после Флорентийского собора, ввиду разрыва между Русской и Константинопольской Церковью, не были проведены в русский устав. Таким образом оказывалось, что вовсе не русские, а греки отошли от начальных канонов устава, и что все предыдущее объяснение

и оправдание реформ патриарха Никона было совершенно голословным.

В свете новых данных весь характер полемики со старообрядчеством претерпел изменения, начала меняться и оценка места единоверия в Церкви. Новые рассуждения можно было свести к следующим положениям: единоверие и православие составляют в существе одну Церковь, несмотря на разность в обрядах; обряды — это не догматы веры, приравнивание обрядов и обычаев церковных к догматам веры совершенно несправедливо и неосновательно; в православных Церквях по временам и странам допускались некоторые местные несущественные различия в обрядах без разрушения их единства; в церковной истории из-за различия обрядов Церкви не разделялись

Н.Ф. Каптерев

между собой, а представители Церквей, желавшие производить по этой причине разделение, сильно порицались. Как писал позже отец Симеон Шлеев, «допущение разнообразия в церковном чине, уставе, дисциплине, возможность обрядовых разностей, упразднений, а потом восстановлений, при отсутствии всякого зазора и при взаимном согласии — самая законная и церковная точка зрения на все то, что до существа веры не относится. Этот взгляд, проходящий через всю историю христианской Церкви, побуждает указанных представителей Православия... считать и Единоверие нераздельным от Православия».

Таким образом, потребовалось около столетия со времени введения единоверия, чтобы в Русской Церкви появились деятели, которые увидели и поняли, что оно имеет свой собственный глубокий духовный смысл и непреходящую ценность, что «единоверие есть примиренное с русской и вселенской Церковью старообрядчество», что оно — естественный путь к преодолению раскола в Русской Церкви и путь к усилению(!) самой Матери-Церкви. И не случайно, но промыслительно, что осознание это пришло в предреволюционную пору, когда усилилось безбожие, упали благочестие и ревность о Боге в русском народе, в самой Церкви.

* * *

Виднейшим православным иерархом, стремившимся к преодолению раскола через единоверие, являлся Владыка Антоний (Храповицкий). Помимо

достижения этой важной цели, он ясно видел и иную миссию единоверия, особенно важную в условиях захлестывавшего Россию безбожия: единоверцы являлись блюстителями старорусской церковной жизни, которая могла бы служить образцом для всей Русской Православной Церкви; они сумели сохранить преемственно от своих предков монастырскую церковную дисциплину, высокое уважение к авторитету духовного отца, послушание его воле, исполнение его заповедей, то есть то, чем так сильна была когда-то Святая Русь, проникнутая от мала до велика соборностью, когда каждый православный христианин принимал непосредственное участие в жизни Церкви.

Взгляды отца-ректора оказались необыкновенно близки студенту-единоверцу Симеону Шлееву. Произшедшая несомненно по Промыслу Божию встреча этих двух людей — видного православного иерарха и духовно одаренного, молодого и энергичного ревнителя единоверия, готового публично отстаивать свои взгляды, — имела решающее значение для судьбы единоверия в Русской Церкви. Духовная их связь, возникшая в Академии, не прерывалась на протяжении всего мирного периода в истории Церкви, будущий священноиерей Симеон Шлеев активнейшим образом соучаствовал во многих начинаниях и деяниях Преосвященнейшего Антония на благо церковного единства.

ГЛАВА 4. «ЭТУ ИСТИНУ УНЕСИТЕ В СЕРДЦАХ ВАШИХ...»

ПРИРОДНЫЕ способности и усердный труд позволили Симеону Шлееву успешно переходить с курса на курс в числе первых десяти по успеваемости студентов. Академию он закончил в 1899 году также в числе первых. За богословскую диссертацию на тему «Единоверие, его сущность и устройство» Совет Казанской духовной академии удостоил своего выпускника степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и с правом получения степени магистра богословия без нового устного испытания. Последняя формула постановления Совета присуждалась только авторам лучших диссертаций и свидетельствовала о признании способностей диссертанта к исследова-

тельской работе. Через два года диссертационная работа молодого кандидата была опубликована в Санкт-Петербурге как часть первой изданной им книги, называвшейся «Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви».

С каким духовным настроением покидали вчерашние академики стены своей Alma Mater? 11 мая 1899 года, после прощальной литургии в академическом храме, которую совершал Преосвященнейший Антоний (в 1897 году отец-ректор был рукоположен в епископа Чебоксарского, второго викария Казанской епархии, с сохранением за ним должности ректора) в сослужении своего гостя архимандрита Сергия (Стра-

городского), многих священнослужителей и кончающих курс студентов, один из выпускников от лица всех произнес следующие слова:

«Четыре года тому назад мы ехали сюда с одним общим желанием, с определенными, хотя и робкими надеждами. Мы хотели учиться, надеялись решить те вопросы, которые уже тогда начали волновать нас, надеялись разобраться в путанице с разных сторон навешенных нам идей и понятий... Спасибо родной академии за то, что она дала нам возможность хоть несколько разобраться в этих вопросах, спасибо ей за то, что она дала нам свои руководствo и помощь...

Если бы академия дала нам только то, о чем мы сказали, то и в таком случае мы должны были бы сказать ей и сказали бы спасибо! Но она дала нам значительно больше. Она дала нам то, на что мы не имели права рассчитывать, о чем не мечтали. Она указала нам живой пример истинной жизни, дала уроки глубокой и сильной — бескорыстной любви. Мы на себе самих прочувствовали здесь, как можно и в наше грешное время любить, и какую силу имеет любовь и доселе. И если бы у нас отняли все, если бы отняли все наши знания, и оставили бы только ту любовь, с которой здесь к нам относились, то и в таком случае ее было бы достаточно для того, чтобы со-

Митрополит Антоний (Храповицкий),
1917-18 годы. Рисунок В.Е. Богдановича.
Из серии «Портреты членов Священного
Собора Православной Российской Церкви»

хранить в нас веру в смысл жизни, потому что было бы достаточно ее для веры в силу любви, для веры в добро. Нам здесь показали, что не красные слова, а живое дело любви к живым близким людям — хороши, или дурны они — вот что животворит людей, вот что дает им и веру и жизнь. И зная по собственному опыту о силе любви, мы уже не можем теперь отказаться от участия в общем великом деле ее оправдания... Наше русское общество и наш народ переживает тяжелое время. Там и здесь нравственные устои шатаются. Вот в нашей

дальцев, а в изверившемся образованном обществе повсюду сказывается глухое, безмолвное, но громадное горе духовного глада и духовной слепоты... На нас лежит долг помощи им. Мы должны пойти туда. Но с чем пойти? Что понесем мы туда? Пойдем, — мы должны пойти — с готовностью любить, понесем туда искры тех добрых чувств, которые возгревали или хранили в нас здесь...»

Однако готовность любить в нашем падшем мире неотделима от необходимости страданий для проповедников слова Божия, и в осознании этого — еще один урок, данный академистам их наставниками.

«Знайте братие и отцы, — сказал архимандрит Антоний в 1897 году на III Всероссийском миссионерском съезде, который проходил в Казани, — что это раскрытие силы Божией в нас и в слушателях достигается не иначе, как путем страданий и ими же снова сопровождается...»; «...Будем помнить, что без скорбей и подвига не может быть и плода духовного, а одно только самообольщение и прелесть, как учили святые Отцы Церкви, повторяя слова апостола о том, что только незаконные дети не терпят наказания (Евр. XII, 5-9). Эту истину унесите в сердцах ваших...»

Воспитанники Владыки Антония достойно восприняли уроки Пресвященного, что доказали жизнь, труды и мученическая кончина многих из них. Пророческими оказались строки из письма одного из учеников, который еще в 1907 году написал учителю: «И если в большом кругу Вашей многочисленной семьи могут оказаться недостойно носящие звание учеников Ваших, то их во сто крат покроют численностью верные ученики Ваши, готовые пить чашу страданий за имя Христово и уподобиться если не Иакову, восприявшему венец мученический на первых же порах своей апостольской проповеди, то Иоанну, каждый день умиравшему до глубокой старости от скорби о человеческой неправде...»

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Б. ТЕРНИКОВСКИЙ. РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА

ПОВЕДАЛА мне прихожанка одного из московских храмов о себе следующую историю: «Была я еще молодая, работала бухгалтером, но все помыслы мои были о Церкви. Я любила бывать на всенощных бдениях, Божественных Литургиях, исповедовалась, причащалась Святых Христовых Таин. Но в уме все время была одна навязчивая мысль — знакомые подружки выходят замуж, молодые люди женятся, а я какая-то никому не нужная, почему бы и мне не выйти замуж. Меня познакомили с молодым человеком и все шло к тому, что я должна была стать его женой.

Нужно было больше узнать о своем суженом и с этой целью я решила встретиться с ним у себя дома. Назначили время встречи. С волнением готовилась я к ней. Убрала в квартире, приготовила хороший стол, надела свое самое красивое платье. До прихода «жениха» оставалось немного времени. Вот и назначенный час наступил, а его все нет и нет — он запаздывал. Я присела на диване и погрузилась в раздумия и сомнения. И думалось мне так: *Сейчас я сижу и жду, а он такой не пунктуальный и что же я вот так буду всю жизнь его ждать? Живу я одна, работаю, хожу в Церковь, делаю все, что мне заблагорассудится, сама себе хозяйка. Что будет, когда я выйду замуж? Нужно будет заботиться о муже, готовить еду, стирать белье, а он может оказаться пьяницей, дебоширом, гулять начнет, водить знакомства с неприличными людьми. Тогда прощай моя свобода, мои поездки по монастырям и храмам.* И чем больше я так размышляла, тем сильнее билось мое сердце, какой-то страх заполнял меня и казалось что-то рушится. А его все не было! Я чувствовала себя уже обманутой, погрязшей в пучину нескончаемой суеты, горький комок подступил к горлу. *Господи! Что я делаю, зачем мне это надо, почему я несчастная, что кто-то хочет отнять у меня мою спокойную жизнь. Господи! Спаси меня от этой суеты, сохрани мою любовь к Тебе, Господи! Ведь неизвестно, что будет в этой замужней жизни.* Мно-

го передумала я за этот короткий отрезок времени, пока ждала опаздывавшего «жениха». Я посмотрела на стол, приготовленный мной, нарезанную колбасу, рыбу. Да еще бутылка вина стоит! А ведь никогда не пила вина! Что я делаю, к чему себя готовлю, даже запахи от стола шли какие-то противные. Как мне стало стыдно, даже руки похолодели! Да еще в углу икона! Что подумает жених, увидев ее с теплящейся лампадой? Неужели мне придется оправдываться перед ним, что-то объяснять? *О, Господи, как мне стыдно, что я творю? Прости меня Своей милостью. Настави мя на землю праву,* — вспомнила я слова псалмопевца. Молитвы и слова Священного Писания проносились в моей голове. *Изведи из темницы душу мою* — а я действительно находилась как будто в каком-то жутком мраке. Совесть заговорила во мне, душа протестовала, возмущалась и вопила ко Господу: *И не введи во искушение, но избави от лукавого.* Вспоминала молитвы к Заступнице и Помощнице рода христианского Пресвятой Деве Богородице: *Заступнице усердная, Мати Христа Бога нашего, прости меня, грешную! Ангелы, архангелы, все Силы Небесные, все святые, помогите мне в сей трудный час. Господи спаси! Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его!* — произнесла я и от ужаса вздрогнула. Звонок в дверь. Открываю дверь и не глядя на «жениха», прерывающимся голосом почти кричу: *Уходите, уходите, пожалуйста, ничего не будет, я передумала,* — и захлопнула дверь. Он даже порога не переступил. Села на диван. Наступила тишина. *Господи, благодарю Тебя! Как хорошо стало на душе. Камень свалился тяжкий. Я свободна!*

Вот так Батюшка я дожила до старости и осталась девою. Нет у меня ни семьи, ни помощи в старческой жизни, одна надежда на Господа и на Вас, Батюшка.

Спаси Вас Христос, дорогая Наталия Васильевна, и укрепи Вас в подвиге Вашем. Благословение Божие да пребудет с Вами, — отвечивал я ей, прощаясь.

БОГОСЛУЖЕНИЯ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В ЯНВАРЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
1	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя пред Рождеством
5	четверг	07:00 17:00	Таинство Елеосвящения Вечернее Богослужение
6	пятница	07:00 17:00	Царские часы. Божественная Литургия. Рождественский сочельник Всенощное бдение
7	суббота	00:00 07:00 17:00	Божественная Литургия. Еже по плоти Господа нашего Иисуса Христа Рождество Христово Божественная Литургия Всенощное бдение
8	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Собор Пресвятыя Богородицы
13	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
14	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Еже по плоти обрезание Господа нашего Иисуса Христа. Свт. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския Вечернее Богослужение
15	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя пред Просвещением
17	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
18	среда	07:00 17:00	Божественная Литургия. Навечерие Богоявления Господа нашего Иисуса Христа. Сочельник. Царские часы. Великое освящение воды Всенощное бдение
19	четверг	00:00 17:00	Божественная Литургия. Святое Богоявление Господа нашего Иисуса Христа. Крещение Господне. Вечернее Богослужение
20	пятница	07:00 17:00	Божественная Литургия. Собор святого Иоанна Предотечи Вечернее Богослужение
21	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Преподобного отца нашего Георгия Хозовита Всенощное бдение
22	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Святого мученика Полиекта
24	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
25	среда	07:00 17:00	Божественная Литургия. Святыя мученицы Татианы Вечернее Богослужение
26	четверг	07:00	Божественная Литургия. Прп отца нашего Иринея затворника
27	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
28	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Прп. отец Павла Фивейского и Иоанна Кушника Всенощное бдение
29	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Поклонение честным веригам свт. апостола Петра

ИЗДАНИЕ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ХРАМА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Главный редактор: св. игумен Иринея
 Ответственный за выпуск: диакон Е. Н. Саранча

Заведующий производством: И. В. Краев
 Корректоры: М. Н. Душни, А. И. Титова, А. И. Краева

Телефон редакции: (095) 510-51-21
 (2005 год, выпуск 10)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низкайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно,
 Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.